

Дарья Донцова

Крутые наследники

Любительница частного сыска
Даша Васильева

ИРОНИЧЕСКИЙ ДЕТЕКТИВ ЭКСМО

Любительница частного сыска Даша Васильева

Дарья Донцова

Крутые наследники

«ЭКСМО»

2001

Донцова Д. А.

Крутые наследники / Д. А. Донцова — «Эксмо»,
2001 — (Любительница частного сыска Даша Васильева)

ISBN 978-5-699-21545-4

Бывают же на свете чудеса! Наташа – бывшая скромная лаборантка – оказывается хозяйкой богатейшего имения под Парижем. Ее муж, погибший в автокатастрофе, оставил после себя колоссальное наследство. И разумеется, над лакомой добычей начинают кружить хищники. Тут и подозрительный дамский угодник Аллан, и не менее подозрительная некая Андре, и Жаклин – бесшабашная дочь разбогатевшей русской эмигрантки. Трудно уцелеть в стае этих акул. Но Наташа не намерена сдаваться, тем более ее лучшая подруга Даша готова разделить с ней все опасности этой нешуточной схватки...Ранее повесть выходила под названием «Игра в жмурики».

ISBN 978-5-699-21545-4

© Донцова Д. А., 2001

© Эксмо, 2001

Содержание

ГЛАВА 1	5
ГЛАВА 2	11
ГЛАВА 3	16
ГЛАВА 4	22
ГЛАВА 5	25
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Дарья ДОНЦОВА

КРУТЫЕ НАСЛЕДНИЧКИ

ГЛАВА 1

Я много раз выходила замуж. И каждый раз неудачно. Но, очевидно, раз начав, трудно остановиться. Мой первый муж был художник. После развода он получил однокомнатную квартиру, а мне оставил своего сына от первого брака Аркадия. Мой второй супруг оказался дипломатом. Ему после развода досталась машина, а мне маленькая собачка дворянских кровей по кличке Снапик. К третьему мужу отошла дача, я же приобрела кошку Клеопатру с тремя котятами. Четвертое замужество принесло мне девочку Машу. Четырнадцатилетний Аркадий был страшно недоволен:

– Ну ладно бы хоть приличную собаку подсунули, а то годовалого младенца, да еще девочку.

Больше замуж я пока не выходила. Собиралась еще раза три, но экс-супруги и их нынешние семьи были против. Представленные им кандидаты не пришлись к нашему двору. А «двор» у нас большой – все мои мужья, их жены, дети от разных браков, бывшие мужья жен... Когда-то мы никак не могли объяснить нашим разновозрастным детям, почему Аркашин папа женат на маме Наташи и кем же им приходится Гоша – сын бывшего мужа Наташиной мамы... Поэтому в один прекрасный день, посоветовавшись, мы пресекли вопросы, объявив им, что мы все дяди и тети, а они – племянники. Все друг другу племянники, и точка. С тех пор недоразумений больше не было. Изредка появляются новые племянники, и это уже никого не удивляет.

Живем мы с Аркашей, его женой Олей, Машей, кошкой Клеопатрой, белой крысой Фимой в большой пятикомнатной квартире с необъятными коридорами. Получили мы эти царские апартаменты, объединив мою двухкомнатную и доставшуюся Оле от родителей трехкомнатную квартиры. Как мы обменивались, переезжали, делали ремонт – отдельная сага, мое перо не способно воспеть этот процесс.

Жить бы нам да радоваться в отремонтированных наконец комнатах, но тут-то и приключилась эта невероятная поездка в Париж. Оглядываясь назад, я понимаю, что вся эта история началась семь лет назад.

Как раз накануне Нового года я задержалась на работе. Многие студенты бегут сдавать зачеты в канун праздника, рассчитывая на благодушие преподавателя. Я оправдала их ожидания и, поставив пяток незаслуженных зачетов, быстро засобиравшись домой. Мои родные уже трижды звонили на кафедру. Первый раз Аркадий мрачно сообщил, что продуктов нет и он открыл на ужин единственную банку шпрот. Второй раз он еще более мрачным голосом возвестил, что, пока отрывал Машку от телевизора, вечно голодная Клеопатра съела всю банку подчистую. Третий звонок был уже от Маши.

– Мамочка, – звенела она в трубку, – Клепочке очень плохо, она все время сидит в туалете, а Аркадий говорит, что это шпроты ищут выход. Мамочка, она не умрет?

Успокоив ее и пообещав купить лекарство, я стала лихорадочно искать сумочку. Уже собравшись, заметила, что наша лаборантка Наташа спокойно сидит за своим столом.

– Наташа, – спросила я ее, – а почему ты не идешь домой?

Наташа замялась, а потом вдруг неожиданно разрыдалась. В промежутках между всхлипываниями она сообщила, что развелась с мужем и бывшая свекровь выставила ее на улицу. Поэтому спит она пока на раскладушке на кафедре, а что будет дальше, не знает. Жить на кафедре ей ужасно надоело, да и страшно по ночам – в темных аудиториях все время что-то ворочается...

– Ну ладно, – прервала я ее, – собирайся, поедешь ко мне.

Наташка быстро схватила пальто – она явно боялась, что я передумаю. По дороге мы купили немного еды и лекарство для Клепы и поэтому домой ввалились уже в начале десятого. Встретили нас злой Аркадий и зареванная Маня.

– Мамочка, – кричала Маруся, – она умирает!

– Не реви, – сказала ей Наташка, – кошки от обжорства не мрут. Ей надо попу в ванне вымыть и лекарство дать.

С этими словами она сунула свое пальто Аркадию и схватила Клеопатру.

– Иди в ванну, – приказала она Мане, – и давай полотенце.

Маруся понеслась по коридору, Наташка за ней. Раздался плеск воды, кошачий вой, радостный детский визг. Повеселевший Аркадий побежал в кухню ставить чайник, а я пошла спокойно переодеться. Когда через двадцать минут, удивленная тишиной, я появилась на кухне, вся моя семья восседала за столом.

– Она умеет делать предсмертные блинчики, – завопила Маня, – очень вкусные!

– Господи, почему же предсмертные? – испугалась я.

– А это такой быстрый рецепт, – усмехнулась Наталья, – вот уже умирать собралась, десять минут до смерти, так успеешь их сделать...

Блинчики были вкусные, собака, кошка, очередные котята и Фима толпились около плиты. Масло ворчалось, чайник шипел. Казалось, Наташка всегда была здесь.

И мы стали жить все вместе. Уже через три дня мы не могли понять, как можно было существовать без Наташки. В холодильнике завелась еда с диковинными названиями: «Каша рататуй», «Пирог утопленник», «Мышиное счастье». Спала Наташка на раскладушке в холле, и наша живность, изменив мне, перебралась к ней. Иногда ночью, идя на кухню попить воды, я видела Клеопатру у нее на груди, а Фиму на подушке.

Примерно раз в месяц нас посещали Наташкины женихи, каждый раз новые. А раз в полгода она исчезала на сутки, потом бледная приходила домой.

– Если бы ты со своих кавалеров деньги брала, – ворчал Аркадий, – мы бы давно дачу построили и машину купили. Ну, какая тебе разница, все равно у тебя каждый месяц новый мужик.

– Как же я буду деньги брать, – слабо возражала ему обессиленная Наташка, – для этих целей должен быть сутенер, а где я его возьму?

– А я на что? – возмущался Аркадий. – Буду вести твои финансовые дела.

Привыкнув к бесконечной череде Наташкиных хахалей, мы не очень удивились, когда один раз нашли у себя на кухне француза Гаспара. Я была даже рада его появлению. Одно дело с утра до ночи преподавать студентам французский, совсем другое дело говорить с настоящим французом. Первые дни я просто наслаждалась звуками волшебной французской речи и была в восторге оттого, что мне не надо без конца поправлять его произношение.

Проходили дни, недели, а Гаспар неизменно сидел у нас вечерами, познакомился со всеми моими мужьями и помогал Аркадию писать контрольные по французскому. Правда, очень скоро выяснилось, что пишет он абсолютно безграмотно.

– Я всего лишь инженер на заводе «Ситроен», – робко оправдывался Гаспар. – У меня всегда были отличные баллы по математике, но вот в правописании я не силен.

Через несколько месяцев стало ясно – дело идет к свадьбе. Так и вышло: не прошло и полугодя, как Наташка укатила в Париж. Мы осиротели. Изредка раздавались телефонные звонки – писать письма Наташка была не мастак. Потом вдруг она замолчала, и связь оборвалась. Мы жили по-прежнему – росла Маня, рожала бесконечную череду котят Клепа, женился Аркадий, мы сделали ремонт в новой квартире, расставили мебель. И вот через семь лет...

– Не желаете ли предсмертные блинчики на ужин? – поинтересовалась я у своих домашних.

В этот момент зазвонил телефон.

– Первый звонок в новой квартире! – завопила Маня. – Кто бы это?

Это была Наташка.

– Мне дали твой номер на старой квартире. Я развелась с Гаспаром! – кричала она через города и страны. – Теперь я снова замужем, теперь я баронесса Макмайер!

– погоди! – заорала я в ответ. – Он что, англичанин?

– Нет, шотландец, – верещала Наташка, – но живет в Париже, я теперь страшно, умопомрачительно богата!

Вот так мы все получили приглашение приехать в Париж!

– Не думай о деньгах, – радовалась Наташка, – все за мой счет! Займи на билеты. Вези всех, котят тоже. Жан обожает животных.

Ранним июньским утром я с Клепой и котятками в перевозке, Аркадий, Оля и Маня с Фимой-5 в коробочке стояли в Шереметьеве. У нас была одна дорожная сумка. Поэтому в багаж сдавать было нечего. Летели мы спокойно. Звери и Оля мирно дремали, Аркадий читал, я вязала очередной шарфик. Переполох возник только один раз, когда не в меру самостоятельная Маша сама пошла к стюардессам за водой. Через несколько секунд после ее ухода раздались ужасные вопли. Мирно спавшие пассажиры разом проснулись. Одна и та же мысль пронзила все головы: «Падаем!» Но не успели мы как следует испугаться, как к моему креслу подскочила встрепанная стюардесса:

– Вы знаете, что у вашей девочки крыса?

– Конечно, – ответила я, – это Фима Пятая.

– По-почему пятая? – только и смогла вымолвить ошеломленная девушка.

– Видите ли, – спокойно протянул Аркадий, – крысы долго не живут... Два-три года, и все. А мы каждую новую крысу называем Фимой. Эта уже пятая. Первые четыре почил в бозе.

– Где почил? – продолжала растерянная стюардесса.

– В бозе, – ответил Аркадий и откинулся в кресле.

– Это безобразие! – закричала стюардесса. – Я обязана сообщить командиру корабля! Крысы – разносчики чумы!

– Сама вы чума! – ринулась в бой Маша.

Стюардесса понеслась в носовой отсек. Вспотевшая Маруся залезла на свое место.

– Ну чего тут такой шум поднимать? – заныла она. – Я только сказала, что Фима хочет пить, а эти идиотки меня спросили, кто такая Фима, а я ее показала! Мама, они не высадят нас?

– Не высадят, – тихо вздохнула рассудительная Оля, – высаживать-то некуда, только на облака.

Тут как раз начали разносить обед. Успокоившаяся Маруся стала кормить Фиму листьями салата.

– Ну что, ест? – раздался чей-то голос.

Мы подняли головы. Полный молодой мужчина в форменной одежде Аэрофлота приятно улыбался нам.

– Ест, – ответила Оля.

– Это и есть ваша Фима Пятая? А я – командир корабля Александр Иванович Крылов, – представился летчик.

Маруся побагровела от злости:

– Моя Фима не разносит чуму. Эта ваша стюардесса психопатка. Она, наверное, считает, что у всех кошек лишай, а все собаки бешеные.

– А у тебя есть еще животные? – продолжая улыбаться, спросил Александр Иванович.

– Да вот они, – обрадовался бесхитростный ребенок.

– Ну и ну, – покачал головой командир корабля, – а у нас дома один хомяк, да и то скучный какой-то. Жена хочет ему девочку купить в пару.

– Ой! – обрадовалась Маруся. – Мама уже такую глупость один раз сделала! У нас был хомяк, и ему купили девочку. Так они все время занимались сексом и все время рожали хомячат. Мама не могла их топить и все время таскалась в зоомагазин. Вы лучше купите своему хомяку мальчика, они могут и с мальчиками сексом заниматься, а хомячат не будет. У «голубых» ведь детей не бывает.

Летчик крикнул:

– Ну, спасибо тебе, все отлично растолковала. Тебе сколько лет?

– Ей двенадцать, – объяснила Оля.

– Ну ладно, – улыбнулся Александр Иванович, – счастливого полета!

Дальнейшее путешествие было безоблачным, а Париж встретил нас солнечной безветренной погодой. Потолкавшись по коридорам аэропорта Шарля де Голля, мы добрались до таможни.

– Так, – сказала Оля, – ты, Маруся, прячь Фиму в карман и молчи, пока не пройдем контроль.

Возле стойки мы вытащили ветеринарные сертификаты и отдали их таможеннику.

– Все чудесно, господа, а где документы на это животное? – сказал он.

Наши головы разом повернулись в сторону Маши. Фима преспокойно сидела у нее на плече.

– Ты почему ее не спрятала? – спросила Оля. – Я же тебе сказала!

– Ну не услышала! – завопила Маруся.

– Господа, господа, где документы? – настаивал таможенник. – Где документы на эту мышь?

– Это не мышь! – опять завопила Маша. – Мышь – мелкий грызун, а это чистая, здоровая, абсолютно безвредная крыса!

– Я всегда считал, – вздохнул Аркадий, – что не надо было учить ее так рано французскому. Вот сейчас она этому таможеннику все объяснит!

– Документы, господа, – настаивал француз, – иначе я буду вынужден арестовать эту... крысу!

– Фимочка моя бедная! – зарыдала моя дочь. – Сокровище, бриллиант ненаглядный, ты так и не увидишь Парижа, этой всемирно известной столицы, самого прекрасного города на Земле!

Француз расплылся в улыбке:

– Кто научил тебя так отлично говорить по-французски?

– Мама, – воскликнула Маша, – она учит студентов французскому!

Таможенник повернулся.

– О, мадам, разрешите выразить вам мое восхищение. Я счастлив познакомиться с вашей очаровательной дочерью. Добро пожаловать в Париж. Только, пожалуйста, временно на территории аэропорта спрячьте вашу милую крысу!

– И все-таки я был не прав, – вздохнул Аркадий, – Машкин французский оказался кстати.

Довольные, мы вышли из здания аэропорта на площадь и стали оглядываться по сторонам. Наташки не было видно.

«Вот ведь негодяйка, – подумала я. – Даже здесь опоздала».

В это время красивая высокая рыжеволосая девушка с визгом кинулась на шею Аркадию.

– Наташа! – ахнула я. – Это ты?

– Я! – кричала возбужденная Наташка.

– Тебя невозможно узнать, – еле вымолвил Аркадий. – Половина осталась!

– Это я похудела, – затарахтела Наталья. – Толстый человек – больной человек!

– И прическа у тебя другая... – протянула Маша.

– Волосы я покрасила, а все остальное осталось прежним. А люблю вас всех даже больше, чем раньше, кошечка моя, Клепочка ненаглядная, любименькая, а это кто? – выпалила Наташа на одном дыхании.

– А это моя жена Оля, – сказал Аркадий.

– Ну и ладненько, – тряхнула рыжими кудрями наша парижанка. – У меня здесь две машины. В одну сядем я, Аркадий, Оля и Маша. А ты с животными поедешь в другой. Давай сюда! – замахала она руками.

С противоположной стороны площади подкатила темно-синяя машина. Ее вел светловолосый красавец чуть старше Аркадия.

– Ну, мы пошли, – сказала Наташа, – а ты устраивайся.

Шофер, улыбаясь, открыл мне дверь.

– Какая красивая у вас кошка. Может, она хочет пить? – любезно предложил он.

– Да нет, спасибо, – отказалась я.

Дорога заняла у нас минут тридцать. По дороге шофер любезно рассказывал обо всех достопримечательностях, и, когда мы вкатили во двор большого дома, я была совершенно им очарована. Возле большого крыльца машина остановилась, и водитель, открыв дверцу, помог мне выйти. Я наклонилась к перевозке с кошками и замерла от ужаса. По высоким ступеням крыльца бежали – нет, летели – две огромные собаки: питбультерьер и ротвейлер. Я захлопнула дверцу.

– Не стоит пугаться, – заулыбался мой спутник. – Несмотря на свой свирепый вид, они очень дружелюбны.

– Но моя кошка... – только и смогла промямлить я.

– О, Банди и Снапунуэль очень любят кошек. Да вы посмотрите сами! – С моих глаз спала пелена ужаса, и я увидела на спине питбуля белую пушистую кошку.

– Знакомьтесь, это Фифина, – сказал шофер. – Она настолько разленилась, что ездит теперь только у Банди на спине. Ино-гда мне кажется, что она управляет им, как конем.

Успокоенная увиденным, я медленно приоткрыла дверцу. Собаки тут же всунули морды внутрь.

– Ну, ну, – принялся их успокаивать шофер, – потом познакомимся!

Послышался визг тормозов.

– Как, вы уже здесь? – закричала у меня за спиной Наташка. – Я же просила не гнать с такой скоростью.

– Но мы ехали не так уж и быстро, – принялся оправдываться шофер.

– Все ты врешь, – напустилась на него Наташка. – Я сама быстро ехала и то только приехала, а он, нате, уже тут.

– Ну прости, больше не буду, – ныл шофер.

«Какие странные взаимоотношения с прислугой», – подумала я, глядя на разозленную Наташку. Судя по лицам моих домашних, им пришла в голову та же мысль.

– Не будешь меня слушаться – продолжала кипеть Наташка, – так и знай, брошу тебя и найду другого, более молодого и красивого!

– Постой-ка, – прервал ее крик Аркадий, – это что, твой муж?

– Ну да, – сказала Наташка. – Знакомьтесь, барон Макмайер, Жан Макмайер!

Жан ласково заулыбался и протянул Маше руку:

– С приездом, маленькая русская красавица.

– Спасибо, – вежливо ответила та.

– А сколько тебе лет? – не успокаивался барон.

– Мне двенадцать, а тебе? – ринулась в атаку Маня.

– А мне двадцать три, – улыбнулся Жан.

Повисла неловкая пауза.

– Значит, ты младше Аркадия на два года и младше Наташи на четырнадцать лет, – бесцеремонно подвела итог Маруся. – Тогда я буду звать тебя просто Жан. А это правда, что ты неприлично богат?

Жан расхохотался.

– Завтра пойдем покупать тебе подарки, и, надеюсь, ты изменишь свое мнение о неприличии богатства, – сказал он.

ГЛАВА 2

Я проснулась от тишины и, открыв глаза, долго не могла понять, где нахожусь, – меня окружала полнейшая темнота. Пошарив рукой около изголовья, я обнаружила какую-то кнопку и нажала ее. С легким шорохом распахнулись жалюзи, и серый свет проник в комнату. Будильник на прикроватной тумбочке показывал ровно восемь. Восемь чего? Утра или вечера?

Прежде чем встать с кровати, я осмотрела комнату. Большая, метров тридцать, не меньше, она была до отказа забита мебелью. У одной стены располагались два шкафа для одежды, письменный стол, полки с книгами. Вторая была занята камином и картинами. Полка над камином ломилась от безделушек – керамические свинки и мышки, фарфоровые собачки и куколки. Чтобы вытереть с них пыль, понадобится целый день, не меньше. Два больших окна с бархатными розовыми шторами делали спальню похожей на домик Барби. А кровать, кровать, на которой я лежала, представляла собой настоящее произведение искусства.

– Стиль вампир, – говаривал мой второй муж, глядя на эту красоту.

Резные ножки, ангелочки у изголовья, узор из виноградных листьев по бокам... Розовое постельное белье и штук десять подушек и подушечек с кружевами. Интересно, кто живет в этой комнате? И вообще странно, в просторном доме, наверное, апартаментов двадцать, а меня селят в чью-то спальню.

Я подошла к окну: все-таки было восемь вечера – за окном смеркалось. Значит, сразу по приезде я шлепнулась на это ложе куртизанки и заснула мертвым сном. Впрочем, кровать мне не очень понравилась: матрас был слишком мягким, а одеяло слишком теплым. И еще страшно хотелось есть. Последний раз нас кормили в самолете. Я поискала нашу дорожную сумку, где лежал мой запасной свитер: тот, в котором я приехала, был безнадежно измят. Если не найдется сумка, то как попросить утюг? Кажется, в таких домах зовут горничную. Нажимают на кнопку, и она появляется перед вами...

Панель с кнопками обнаружилась у изголовья кровати. Нажала одну – заработал кондиционер, нажала другую – зажегся ночник, третья оживила шкаф. Его дверцы медленно разошлись, и я остолбенела. Шкаф был набит вещами, о которых бедная преподавательница могла только мечтать. Костюмы всех цветов, разнообразнейшие юбки, блузки, пар сорок туфель, роскошное, совсем новое белье. Добили меня нераспечатанные пачки колготок, стопкой лежащие на одной из полок.

Я от души позавидовала таинственной обладательнице этой роскоши. Утром она просыпается и, не вставая с кровати, открывает шкаф, выбирая, что надеть. Потом зовет горничную... О, черт, как же позвать эту горничную!

Натянув на себя мягкие свитер и джинсы, я вышла из комнаты. Передо мной лежал длинный коридор, в конце которого виднелась лестница. Я двинулась вдаль. Вдруг одна из дверей с треском распахнулась, и из нее выскочила девочка, буквально вбитая в очень тесные и короткие розовые джинсы. «С такой толстой попкой не носят узкие штаны», – невольно подумала я. Девочка развернулась и издала вопль:

– Мамочка проснулась!

Это была абсолютно счастливая Маша. Новости выливались из нее рекой. Они обедали, потом Жан повез Машу в магазины.

– Он купил мне все, что я хотела, – задыхалась Маруся. – Абсолютно все! Гляди!

Она толкнула дверь и буквально втащила меня в комнату.

Посреди фиолетового ковра возвышался трехэтажный дом для Барби. Вожденный дом, покупка которого в Москве подорвала бы наш семейный бюджет на полгода. Вокруг были разбросаны пакеты с одеждой.

– Да, – промычала я, – надо бы все это убрать в шкаф, а джинсы тебе эти, наверное, жмут.

– Жмут! – радостно подтвердила Маня. – Но здесь сейчас так носят – коротко и тесно. А вот гляди, это платье для вечера.

И в мгновение ока она стянула с себя брюки, футболку и облачилась в голубое платье, обильно украшенное блестками и бантами.

– Ну, как тебе? – подпрыгивала она от полноты чувств.

– Великолепно, ты неотразима, но давай уберем все это в шкаф.

– А Жан сказал, что это наряд начинающей путаны, – обиженно протянула Маша. – А убирать не надо, надо позвать Софи, она все уложит.

– А как позвать Софи? – поинтересовалась я.

– Да очень просто, – сказала Маша.

Она дернула за шнурок около двери.

– Сейчас прибежит.

Не прошло и пяти минут, как в дверь постучали.

– Входи! – крикнула девочка.

На пороге возникла женщина лет сорока с суровым выражением лица.

– Софи, – приказала Машка, – это все надо убрать в шкафы!

Я сжалась от ужаса: сейчас эта мегера объяснит нам, кто здесь хозяин. Но лицо Софи расплылось в сладкой улыбке.

– Сладенькая ты моя, – закудахтала она радостно, – ты доверяешь мне разложить все твои новые вещи? Ах ты, ягодка, белочка сладенькая! Иди, иди покушай вкусненько. Иди, моя радость, а я все уберу, кроватку тебе разложу, пижамку погрею...

– Ну пошли скорей, – запрыгала Машка, – видишь, там вкусный ужин!

Захлопывая дверь, я увидела, как Софи аккуратно раскладывает белье.

По бесконечному коридору мы дошли до лестницы и спустились на первый этаж. По дороге я чуть не сломала шею, пытаясь рассмотреть картины, обильно развешанные по стенам. Репродукции импрессионистов были просто великолепны, а вот абстрактные композиции на первом этаже понравились мне куда меньше. Двери в столовую были раскрыты, и, когда я вошла в зал, мне на минуту показалось, что я нахожусь на съемках фильма, сцена: «Ужин в семье аристократа». Яркие лампы, сверкающая посуда, голые плечи женщин и черные костюмы мужчин, беззвучнодвигающиеся слуги... Я в моем мятом свитере и грязных джинсах была тут как нельзя к месту.

– О, дорогая, – проговорил Жан, вставая из-за стола, – мы не хотели вас будить!

Я с облегчением заметила, что он был в джинсах и рубашке без галстука. Да и другие женщины тоже были одеты просто, голыми плечами щеголяла только одна дама. Зато что это были за плечи! Белые, полные, покатые – совершенно роскошные. Такие плечи просто грех прятать под платьем! К плечам прикреплялась массивная шея, украшенная ухоженным лицом средних лет.

– Давайте я вас познакомлю, – улыбнулся Жан. – Это Жаклин. – Плечи милостиво повернулись в мою сторону. – Жаклин – моя кузина.

– Двоюродная, – поправили плечи неожиданно тонким голосом.

– Дорогая, не будьте столь педантичны, – засмеялся ее сосед. – Я, например, до сих не могу понять, какие родственные узы связывают нас с Натали! Вообще-то я брат первой жены Жана.

Жан захохотал:

– Не надо сразу пугать наших гостей, Яцек.

– Да мы не из пугливых, – сказал Аркадий.

– Моя первая жена, – уточнил Жан, – вышла замуж за брата Яцека. Они познакомились случайно на одной вечеринке и поженились.

– Да, – протянула Маша, – мамины бывшие мужья тоже дружат с мужьями своих бывших жен...

Воцарилась тишина.

– Я всегда говорил, – процедил Аркадий сквозь зубы по-русски, – не надо было учить ее иностранным языкам.

Жаклин ласково улыбнулась мне:

– Ну, со мной и Яцеком вы уже познакомились. А это Андре, наша дочь.

– Не совсем наша, – уточнил Яцек, – Андре моя дочь.

Я почувствовала себя как дома. В столовой уютно и светло, еда потрясающая, вино вкусное. Я расслабилась и улыбнулась соседу справа.

– Меня зовут Аллан, – шепнул он мне. – А как ваше имя?

– Дарья, – пробормотала я с полным ртом, – меня зовут Дарья, или Даша.

Сосед согласно закивал головой:

– Прекрасное имя, необыкновенно вам подходит!

Тихая беседа за столом текла своим чередом. После седла барашка подали блюдо с сырами. Запивали все это великолепным, совершенно потрясающим вином, название которого я не знала, а этикетку не увидела. Официант держал бутылки, обернув их салфеткой. Разговор перекинулся на искусство. Сначала обсудили достоинства и недостатки Лувра, потом Британского музея, добрались до галереи Уффици.

– А ваш любимый художник? – обратился ко мне Алан.

– Люблю всех импрессионистов, – призналась я, – а вот Пикассо, Малевич не для меня.

– О, – засмеялся Жан, – тогда вам надо ходить только по второму этажу. Не зря Натали настаивала, чтобы ваша комната была именно там, можно не спускаться на первый этаж. Он у нас весь посвящен современному искусству.

– Да, – восторженно закивала я, – на втором этаже такие чудные репродукции.

Повисла тишина, потом все опять разом заговорили – на этот раз о китайском фарфоре эпохи Мин.

Кофе подали в соседней комнате, скорее всего это была библиотека: стены плотно заставлены томами разных форматов, кожаные и бумажные корешки, подарочные и карманные издания – все стояли вперемешку.

Неся в руках две маленькие чашечки с кофе, Наталья подошла ко мне.

– Ну что, нравится? – спросила она.

– Очень, но вот только...

– Что-то не так? – озабоченно спросила Наташка.

– Да нет, все в порядке. Но не могла бы ты поселить меня в другую комнату?

– Не нравится? А я так старалась все сделать для тебя как можно лучше...

– Да все прекрасно, вот только меня смущают чужие вещи в шкафу. Я кого-то выселила из комнаты?

Наташка захохотала во весь голос:

– Ну, ты даешь! Это все твои вещи.

– Мои?

– Твои, твои. У тебя что, памяти нет? Помнишь, как мы с тобой под Новый год мечтали? Ты говорила, что хотела бы шкаф, который можно открыть, не вставая с кровати, и там должны лежать куча нового белья и нераспечатанные пачки с колготками, и по паре разных туфель к каждому костюму. Можешь быть уверена, я все сделала точь-в-точь, как ты хотела. Знаешь, этот чертов шкаф отказались делать три фирмы.

– Прости, – в полном ошеломлении пробормотала я.

– Да ладно, чего уж там, – снисходительно бросила Наташка. – Я-то знаю, как съезжает крыша, когда мечты вдруг воплощаются в жизнь.

Я лишилась дара речи.

– Натали, – позвал Жан.

– Иду, – заулыбалась Наташка, – да, вот еще что, имей в виду – так, на всякий случай, на стенах у нас нет репродукций, все только подлинники...

Хорошо, что я не могла увидеть себя в эту минуту со стороны – отвисшая челюсть не красит. Подлинники! Все эти прекрасные картины, густо развешанные по стенам, подлинники. Значит, и этот Гальс, украшающий библиотеку, тоже. А рядом маленький этюд – о нет! Это набросок Да Винчи.

– Не завидуйте, – раздался голос позади меня. – Жизнь так изменчива... Вдруг вы станете богаче своей сестры!

– Ну, это маловероятно, – ответила я, поворачиваясь. – Не думала, что на моем лице написана откровенная зависть!

Мой бывший сосед по столу расхохотался:

– Я хорошо знаю женщин – вы завидуете даже новой шляпке. А при виде такой коллекции, да еще у сестры, да еще если вы бедны...

– Кто вам сказал, что Натали моя сестра? – перебила я Аллана.

– Она сама. Вы, русские, так цените родственные связи, так держитесь друг за друга...

Я посмотрела на Аллана и вздохнула. Объяснить этому самовлюбленному болвану ничего невозможно. Неужели он не понимает, что русские такие же разные, как и французы, а большое число родственников одинаково угнетающе действует на людей любой национальности. Интересно другое: с чего это Наташа выдает меня за свою сестру?

Но вслух я произнесла совсем другое:

– Богатому человеку трудно понять бедного.

– Боже, да вы философ! – восхищенно проговорил Аллан. – Но вот в отношении меня вы ошиблись. Я долго, слишком долго был беден. Затем удачно женился. Мартина была богата. Злые языки судачили, что наш брак держится на голом расчете. Не спорю, сначала так и было, но потом я искренне полюбил ее. И сейчас я вдовец, и мне ее не хватает. Она была некрасива, но умна, и в этом вы чем-то на нее похожи!

Наш разговор прервала Маша.

– Мамоchка, мамочка, мне нужно сказать тебе что-то по секрету, – театрально зашептала она.

– Дитя мое, – сказал Аллан, – смело говори по-русски. Ничего, кроме слов «Ельцин» и «Горбачев», я не пойму!

– Мамулечка, – затараторила Маша, – поди скажи Аркадию, он не разрешает взять мне десерт, скажи ему – это нечестно.

– Ябеда-корябеда, – отреагировал Аркадий. – Мать, она выдала тебе только часть информации. Я не разрешил ей в четвертый раз взять взбитые сливки. И не подумай, что я забочусь о ее фигуре, здесь уже ничего не поделать. Но ведь ее прошибет поносус вульгарис. Будет стонать и охать.

– О, как приятно видеть столь трогательную заботу брата о младшей сестре, – произнес тонкий голос.

– Они ухитрились спорить даже тогда, когда Машка еще не умела говорить, – вздохнула я и вдруг поняла, что что-то здесь не так.

– Как вы здорово говорите по-русски! – заорала, как всегда, во весь голос Маша. – Мамулечка, она говорит по-русски ну прямо как мы!

– Что же здесь удивительного? – сказала Жаклин. – Я ведь русская, девичья фамилия моей матери Коновалова. Сейчас все эмигранты прикидываются князьями, а я признаюсь честно – моя мама была простой девчонкой из деревни, просто Галька Коновалова.

– А как же вы оказались в Париже? – заинтересованно спросила Маша.

– Во время войны моя мать попала в оккупацию, – охотно ответила Жаклин, – а после побоялась вернуться в Россию. Скиталась сначала без денег, жилья и работы, потом устроилась судомойкой в один богатый дом. Ну а дальше все пошло, как в сказке. Богатый хозяин увидел бедную служанку, полюбил ее и взял в жены. Так что я – дитя любви!

– Вы великолепно владеете русским языком, – сказала я, – практически без акцента.

– Мать настояла на том, чтобы в доме было два языка, – пояснила Жаклин. – Она говорит, что, чем больше знаешь, тем лучше.

– Ваша мать жива? – спросил Аркадий.

– Да, слава богу. Может быть, вы выберете день и придете к нам в гости? Она будет очень рада поговорить с русскими. Ностальгия, знаете ли, типично русская инфекция. Мать усердно смотрит вашу первую программу телевидения и обожает все русское. А может быть, вы одолжите нам на пару дней ваших молодых? Мы бы устроили неделю русско-французской дружбы: наша дочь и ваши дети. Это было бы чудесно. Не правда ли, Яцек?

Муж Жаклин оторвался от бокала с коньяком:

– Да, да, дорогая, все, что хочешь!

– Правда, он прелесть? – умилилась Жаклин. – Все, что ни скажу, – на все один ответ: «Да, да, дорогая!» А что ему отвечать, когда он нищий поляк, а все деньги у меня? Да нет, не волнуйтесь, польский, конечно, походит на русский, но Яцек не понимает ни слова, потому что он идиот. – И она громко засмеялась.

Тут только я поняла, что Жаклин совершенно пьяна. Яцек подошел к ней.

– Пойдем, дорогая, нам пора выпить по чашечке крепкого и сладкого кофе.

– Да, – неожиданно покорно закивала Жаклин, – кофе – это прекрасно.

За окнами совершенно стемнело, слуга зажег торшеры. Мягкий полумрак смягчил краски, сделал лица присутствующих моложе. Легкий хмель кружил мне голову – вкусный джин, прекрасное вино... Все вокруг показались мне необыкновенно приятными людьми, слегка резкими на язык, но милыми и приветливыми. Стены библиотеки уютно поблескивали корешками книг. Аркадий, Оля и Маша разглядывали альбом Босха, Наташка и Жаклин щебетали о чем-то на диване. Яцек угощал Аллана сигаретой. Андре тихо вязала в кресле. Андре!.. Андре подняла глаза от вязания и с нескрываемой ненавистью и злобой поглядела на Жану. Взгляд этот, явно не предназначенный для посторонних, поразил меня какой-то детской яростью. В мирной комнате повеяло грозой. Мимо моего лица большой черной птицей пролетела ненависть. Если бы взглядом можно было убивать, Жан свалился бы замертво около бара с коньяками. Увидев, что я смотрю на нее, Андре моментально улыбнулась.

– Ненавижу запах коньяка. Каждый раз, когда Жан открывает этот бар, готова всех убить. Правда, смешно?

Я засмеялась вместе с ней. Засмеялась, но не поверила ей ни на минуту. Коньяк нельзя ненавидеть, как человека. А взгляд Андре был более чем красноречив. И зачем только она стала оправдываться? Чудесный вечер полностью потерял для меня свое очарование.

ГЛАВА 3

На следующее утро меня разбудила Наташка.

– Хватит дрыхнуть, – сказала она и раздвинула занавески. – Ты чего, спать сюда приехала?

Я зажмурилась от яркого солнца и потянулась к джинсам.

– Ну уж нет! – воскликнула Наташка. – Хватит лохмотьев, давай, сделай мне приятное. Надень что-нибудь поприличнее. Вот хотя бы это. – И она вытащила из необъятного шкафа легкое голубое платье в белую полоску и белые туфли. Я оделась, и мы спустились в столовую. Там царила пустота. На столе был накрыт кофе с круассанами.

– А где все? – поинтересовалась я.

– Ты бы еще больше почивала, – засмеялась Наташка. – Проглядела детей, так тебе и надо. Пока ты дрыхла без задних ног, дети-то уехали!

– Куда уехали?

– Аркадия с Олей забрала Жаклин, она же прихватила с собой и двух твоих котят. Говорит, что это лучший подарок для ее матери – котята из России. А Машка с Жаном отправились на экскурсию в Париж – сначала «Самаритэн», потом «Галери Лафайет». Поедут они в городе, а мы с тобой прямо сейчас – по музеям. С чего начнем: Лувр, Дворец Инвалидов?

– Подожди, подожди, – попробовала я охладить Наташкин пыл. – Может, поедем туда же, куда и Маша с Жаном. Что там выставлено?

– Шмотки, – захохотала Наташка, – там выставлены шмотки! Ты что, в своем институте совсем одичала? Это же крупнейшие парижские универмаги. Жан повел Машку делать покупки.

Мне стала неудобно.

– Они и так уже накупили целую комнату вещей. Чтобы все это увезти, потребуется грузовой самолет.

– Ничего, ничего, – успокоила Наташка, – пусть покупает, а насчет отъезда мы еще подумаем: кто, куда и когда поедет. Знаешь, Машка напоминает Жану его сестру.

– У Жана есть сестра? – спросила я.

– Была. Нужно тебе все равно рассказать, но только по дороге, хватит тратить время на кофе.

Мы прошли сквозь большой холл и вышли во двор. На ступеньках дома лежали страшные собаки Жана. Из-за их спин вылезла кошка, а за ней... моя Клеопатра. Единственный оставшийся котенок самозабвенно играл с хвостом питбуля.

– Эти идиоты обожают кошек, – расхохоталась Наташка. – Их купили для охраны, но они оказались совершенно ни на что не годными. Зубы используют только для еды, лижут со всеми. Да и как им быть другими? Слуги вечно суют им в пасть сдобное печенье. Софи поит их кофе со сгущенкой. Даже почтальон приносит халву. И вот результат! А кошки, мышки, птички – просто любимые друзья! Самый смех был, когда Яцек привез своего попугая. Он их заклевал, и мои грозные охранники боялись выйти из кухни.

Продолжая рассказывать, Наташка распахнула дверь гаража, и я увидела три машины.

– Вот это моя, – ткнула Наташка пальцем в «Ситроен». – Простовата, конечно, но чего выпендриваться? Французы, знаешь, не любят тех, кто высовывается. Предпочитают скромность. Платье попроще, совсем не красятся... Здесь быть богатой вроде как бы вульгарно.

С этими словами мы сели в машину.

– Пристегнись обязательно, тут тебе не Москва. Могут содрать штраф, даже если, не пристегнувшись, просто сидишь в машине с включенным двигателем.

Мы выехали на автостраду. Наташка подняла окно и вдавила педаль газа.

– Может, не надо так быстро? – робко попросила я.

– А разве это быстро? – удивился мой шофер, входя в поворот на третьей скорости. – Мы же еле ползем! Ну слушай. Теперь о Жане. Конечно, об этой истории известно всем, но вслух мы никогда о ней не говорим. Отец Жана англичанин, а мать француженка. Оба состоятельные люди и после брака объединили свои состояния. Эдуард коллекционировал картины, а Сюзен – старинные куклы. У них родилось двое детей: Жан и Элизабет. Дочь Лиза была младше на два года. Как-то раз в Лондоне предполагалась большая выставка кукол, и Сюзен повезла туда свою коллекцию. У них был небольшой самолет, Эдуард пилотировал сам. И вот уже в момент отлета Жану стало плохо: тошнота, рвота... Срочно вызвали врача, тот определил отравление. И Жана отправили домой. А его отец, мать и сестра полетели в Лондон. Но туда они не прилетели. Исчезли, скорее всего упали в Ла-Манш. История эта произошла шесть лет назад и наделала много шума. Коллекция кукол Сюзен была застрахована на очень крупную сумму, и страховая компания не хотела платить, пока им не предъявят точные доказательства гибели коллекции. В общем, целое дело. Жану тогда было семнадцать лет, его сестре пятнадцать. От тоски он женился в восемнадцать лет на Катрин. Но что-то там у них не заладилось, и уже через год они разошлись. Катрин быстро снова вышла замуж и теперь живет в Америке. А Жан и я встретились на дне рождения у Бернара, друга Гаспара. Помнишь Гаспара, моего первого мужа?

Я кивнула.

– Ну вот, встретились, и через некоторое время Жан сделал мне предложение. Я развелась с Гаспаром и вышла замуж за Жана.

– А кто такие Яцек и Жаклин?

Наташка еще сильнее нажала на газ.

– О господи, сейчас я тебе все объясню. Слушай внимательно. Жан был женат на Катрин. У Катрин есть новый муж. У мужа есть брат. Это Яцек. Яцек женат на Жаклин. Андре – дочь Яцека от первого брака. Общих детей у них нет. Жаклин еще та штучка. Ее мать и правда была бедной деревенской девушкой. А вот отец – совсем другое дело. Что уж он такого нашел в Галине – матери Жаклин, – никто не понимал. Сейчас она вполне благообразная старушка, а в молодости, поговаривают, красотой не блистала, да и не очень умна была. Может, это-то его и привлекло. Короче, что бы там ни было, но отец Жаклин женился на Галине, обеспечил ей райскую жизнь и более чем безбедную старость. А на Жаклин мужики слетаются, как мухи на мед. И дело не в ее богатстве. Что-то есть в ней такое... В общем, куда ни придет, все вокруг нее вьются.

– А чем она занимается? – глупо поинтересовалась я.

– Замуж выходит. Правда, последние годы живет с Яцеком. Но до него уже трижды разводилась. А с Яцеком просто невозможно поругаться. Он удовлетворяет любые ее капризы. Знаешь, как они познакомились? Жаклин сбила его в предместье Парижа. Думала все – труп на дороге, а она в Сантэ. Она рассказывала, что выскочила из машины и заглянула под колеса. А Яцек лежит и хохочет. «Вы, мадам, очень неосторожны, – проговорил он, – в другой раз будьте внимательнее на повороте». Представляешь? Жаклин отвезла его к себе – был ноябрь, и Яцек весь измазался. А наутро они пошли оформлять брак. Галину чуть удар не хватил – поляк, почти нищий, да еще с кучей бедных родственников. У него сестры, братья, несколько теток – все бедны, как церковные мыши... И вот, представляешь, зовет Жаклин гостей на свадебный обед. И уж конечно, в первых рядах Жан: их отцы сводные братья. И Катрин позвали. А она не растерялась и зацапала брата Яцека. Денег-то у нее после развода – тьма. То-то была потеха! Жаль, меня при этом не было. Приехали, вылезаем.

Наташка резко затормозила, и мы выбрались из машины.

– Где это мы? – спросила я, оглядывая небольшую площадь.

– Что, любительница детективов, не узнаешь? Посмотри: впереди Сена, набережная, большой дом...

Я посмотрела по сторонам: «Площадь Дофин» – стояло на табличке у входа в кафе. Не может быть! Неужели это кафе, где любил сидеть комиссар Мегрэ!

Наташка обрадованно закивала головой:

– Вот именно. Впереди перед тобой набережная Орфевр. Вот этот большой дом, это комиссариат, где работал Мегрэ. Вот только кафе по-другому называется. Дофин – это вся небольшая площадь. То ли Сименон придумал это кафе, то ли переводчик когда-то ошибся, и с тех пор пошло, что «Дофин» – это кафе. Ну, отсюда двинем пешком. В центре полно машин, лучше погуляем на своих двоих.

Наверное, это был самый счастливый день в моей жизни. Мы проходили весь день по музеям, а в перерывах заглядывали в кафе, ели мороженое, пили вино и были всем абсолютно довольны. Толпы парижан текли мимо нас, витрины магазинов и маленьких кафе манили зайти. Все были веселы, никто никого не толкал, не ругался. «Даже дети у них не капризничают», – подумала я с завистью. Над толпой витал запах хорошей косметики, аромат вкусной еды. Можно только удивляться, как, поедая столько печеного, сладкого, жареного и жирного, французы в массе своей остаются тощими.

Рано или поздно все заканчивается, завершился и этот волшебный день. На улице уже окончательно стемнело, когда мы с Наташкой помчались домой. Устав от беготни, я тихо дремала на заднем сиденье, Наташка напевала какую-то песенку:

– Зизи, зизи...

«Надо будет спросить у нее, что такое «зизи», – вяло отреагировал мой мозг на незнакомое слово. И на этом я заснула.

Разбудил меня резкий толчок машины. Оказывается, мы уже доехали. Я открыла глаза и зажмурилась от яркого света. Во дворе было полно машин: две простые «Скорые помощи» и одна реанимация, несколько полицейских, два красных «Рено», грузовик, на котором грохнулись останки темно-синей машины.

Наташка выскочила из машины. Невысокий лысый толстячок поспешил ей навстречу:

– Мадам, позвольте представиться, я комиссар Перье. Глубоко сожалею, но должен сообщить вам ужасную новость. Мадам, мужайтесь: ваш муж попал в автомобильную катастрофу и...

Не дослушав его, Наташка рухнула на землю. Комиссар засуетился вокруг нее:

– Сюда, скорей, врача, ей плохо!

К Наташе подбежал бородатый мужчина в белом комбинезоне.

– Разве можно так, господин комиссар, – сразу, как обухом по голове. Вы бы сначала дали ей сесть. Ну и методы у вас... – укорил он комиссара.

– Я еще не успел ничего произнести, – начал оправдываться толстячок. – Я только намекнул, что произошла катастрофа.

– Да, конечно, глядя на то, что осталось от машины, она должна была подумать, что ее муж задавил кошку, – продолжал доктор, делая укол. – Хорошо, хоть ребенок не сильно пострадал.

При этих словах я почувствовала, что теряю сознание.

– Господа, с бароном Макмайером в машине была девочка. Что с ней?

– Ребенок в полном порядке, несколько легких ушибов, и все. А вы кто, мадам? – поинтересовался комиссар.

Я замялась: Наташка всем представляла меня как свою сестру – жаль, не успела спросить у нее, почему.

– Я сестра баронессы Макмайер и мать девочки, которая ехала с Жаном!

– О, простите, мадам, – комиссар поклонился. – Ваша девочка в гостиной вместе с врачом, медсестрой и няней. Но мы будем вынуждены допросить ее, так как она единственный свидетель. Скажите, мадам, сколько лет ребенку? По нашим законам мы обязаны вызвать адвоката, если...

– Хорошо, хорошо, – перебила я комиссара, – скажите, что с Жаном?

– Он мертв, мадам, – сухо ответил комиссар. – И сделайте так, чтобы ваша сестра не настаивала на осмотре тела. Его уже опознали слуги.

– Но почему, комиссар?

– Он сильно изуродован, зрелище это не для жены, мадам, – еще раз вежливо поклонился полицейский.

Я пошла в дом, за мной брели очнувшаяся Наташка в грязном костюме, комиссар, врач и два ажана.

В гостиной горели все лампы. На диване в горе подушек, укрытая пледом, сидела Маша. Перед ней на коленях я увидела Софи с чашкой, по ее лицу текли слезы.

– Я педиатр, мадам, – обратился ко мне мужчина, стоявший возле Софи. – Ребенок пережил страшный шок, девочку следует поместить на несколько дней в клинику, потом вам, вероятно, потребуется психотерапевт. Ни о каком полицейском допросе не может быть и речи. Детскому организму не под силу такие перегрузки...

– Глупости все это! – фыркнула Маша, выбираясь из пледа. – Может, это ваши французские дети такие нежные, а мы, дети из России, абсолютно нормальные и здоровые люди. Допросить меня нужно сейчас, а то завтра я могу забыть какие-то детали. Мой долг – помочь правосудию. И уберите от меня эту чашку с бульоном. Терпеть не могу воду с жиром!

Комиссар почесал переносицу. Врач снял очки.

– Знаете, мадам, – пробормотал он, протирая стекла, – я много слышал о русских женщинах. Позвольте мне выразить вам свое искреннее восхищение!

– Ладненько, ладненько, мой ангел, расскажи-ка нам все с самого начала, прямо с той минуты, как ты сегодня проснулась, – проговорил комиссар.

Все расселись по креслам, ажаны встали у двери. Софи, вытирая слезы, вновь укутала Машу пледом.

– Утром меня разбудил Жан, – начала Машка. От всеобщего внимания она покраснела, и на ее щеках выступили грязные подтеки.

«Значит, она все-таки плакала», – отметила я машинально.

– Он вошел рано, было около восьми. Я оделась, мы позавтракали и составили план разорения.

– План чего, моя белочка? – поинтересовался комиссар.

– Вы можете со мной не сюсюкать, – отрезала Машка. – Составили план разорения. Это Жан придумал. Он сказал, что мы идем разорять магазины. Сначала разорим один, потом другой, а когда товары кончатся во всех магазинах, мы полетим в Нью-Йорк и продолжим там. Но это была шутка.

Машка рассказывала долго, смакуя подробности, описывала покупки... Я поняла, что в районе часа они проголодались и решили перекусить. Машка попросилась в «Макдоналдс». Но Жан сказал ей, что это *salte* и что Макмайеры в «Макдоналдс» не ходят. Поэтому они зарулили в китайский ресторан, где от души попробовали все блюда. Жан не пил ни капли, даже пива, только «Виши». Потом они ели мороженое – ванильное с шоколадом и орехами. А затем снова кинулись в магазины. Завершилась эта оргия на Блошином рынке покупкой фарфоровых собачек...

Все их приобретения не влезли в багажник. Поэтому хорошенькое голубое одеяло в розовых белочках, набор подушечек «Белоснежка», теплые попонки для собак, подстилки в бантиках для кошек, пuffyки в виде оленей, большого розового зайца, большую голубую собаку и

сумку с подарками для меня и Наташки они положили на заднее сиденье. Машка же, несмотря на протесты Жана, тоже уселась на заднее сиденье – ей не терпелось еще раз все посмотреть. Уже в дороге она натянула на себя маскарадный костюм тигра, сделанный из бархата, – ей захотелось, когда они приедут домой, выскочить из машины и зарычать на Софи... Все это и спасло девочке жизнь.

Всю дорогу они весело болтали, потом Жан замолчал и сказал ей неожиданно строгим голосом:

– Быстро сбрось все с сиденья на пол и сверху ляг сама!

Машка выполнила его приказ, и через несколько секунд раздался ужасный скрежет и визг, пол и потолок машины несколько раз менялся местами, они кувыркались, падали, опять кувыркались... В конце концов, эта адская карусель затихла. Зная, что машина может загореться, Машка вылезла через разбитое стекло наружу. Но, увидев, что Жан не движется, кинулась к нему. Он был без сознания. Девочка выбежала на шоссе и остановила первую попавшуюся машину. Не знаю, что подумал водитель, увидев на дороге заплаканного ребенка в маскарадном костюме, но он сразу вызвал полицию и «Скорую помощь»...

Выслушав Машку, комиссар покачал головой:

– Очевидно, что-то произошло с машиной. Барон понял это и велел ребенку лечь в грудку мягких вещей. Более подробно о причинах аварии мы узнаем только после специальной экспертизы.

– Я думаю, что всем надо немного отдохнуть, – сказал педиатр.

Полицейские откланялись и уехали, сделав Наташке еще один укол. Ушел и врач. Мы остались в гостиной вчетвером – Машка, Наташка, я и Софи.

– Пойду принесу вам перекусить, – засуетилась Софи и поспешила на кухню.

Наташка оглядела свой измазанный костюм:

– Где это я так вымазалась? Ах, да!

Я чувствовала себя совершенно измученной, и меня удивляло Наташкино спокойствие. Хотя, может, это просто шок? Бедный Жан! Куда они увезли его останки? Когда мы будем его хоронить? И что теперь будет с Наташкой?

– Ничего не будет, – словно подслушав мои мысли, сказала Наташа. – По завещанию я единственная наследница. Никаких родственников, прямых или кривых, у Жана не было. Кое-какие суммы оставлены слугам и приятелям, а остальное все мое!

Дверь растворилась, и появилась Софи с гигантским подносом.

– Это хорошо, что деньги будут твоими, – подала голос Машка. – Но ты должна поклясться страшной клятвой, что накажешь тех, кто убил Жана!

– Милая моя, – сказала я, – сейчас, конечно, трудно сказать точно, но, кажется, в машине произошла какая-то поломка. Может быть, отказали тормоза... Роковая, ужасная случайность! Жан был таким милым, таким молодым... Навряд ли кто-нибудь хотел его убить!

– Но он сам мне об этом сказал, – настаивала Машка.

– Кто сказал? – воскликнули мы с Наташкой одновременно.

– Жан, – ответила Машка. – Видите ли, я немного соврала комиссару. Когда я выбралась из машины, то увидела, что Жан не двигается. Я подбежала к нему. Он был в полном сознании, яснее не бывает, только говорить ему было больно и трудно.

– «Поклянись, что отомстишь за меня... меня убила Андре...» – вот что он успел сказать перед смертью.

Страшный грохот заставил нас вздрогнуть. Мы оглянулись. У буфета Софи уронила поднос с чаем.

– Ты ничего не слышала, – моментально отреагировала Наташка. – Понимаешь? У барона, наверно, помутился рассудок.

– Да, мадам, – покорно согласилась Софи, – барон, очевидно, очень испугался.

– Да нет же, – затопала ногами Машка. – Говорю вам, он был абсолютно спокоен и совершенно в своем уме. Он хотел еще что-то сказать, но тут у него из горла пошла кровь, черная такая, как чернила, и он умер.

– Успокойся, маленькая, – ласково проговорила Наташа, – бывает, что перед смертью человеку чудится всякая чертовщина. Может, он вспомнил, как какой-то Андре его когда-то обидел.

– А вот и нет, – возразила Маша, – не какой-то, а какая-то. Я разве вам не сказала? Он прошептал: «Поклянись, что отомстишь за меня, меня убила Андре Ярузельская». Я слышала, как вчера Андре объясняла Аркадию, что ее фамилия Ярузельская, а Жаклин теперь мадам Ярузельская. Это Андре, Андре убила Жана... Я только не знаю, как она это сделала!

В наступившей тишине мы услышали, как в кабинете пробили часы.

ГЛАВА 4

Этой ночью я так и не прилегла. До четырех утра сидела рядом с Машей, держала ее за руку и напевала песенки. Когда же она наконец заснула, встала с ее кровати и побрела в свою комнату. Страшные мысли теснились у меня в голове. Какой злой рок преследует Макмайеров! Сначала в авиационной катастрофе погибает почти вся семья. Потом в автомобильной аварии погибает Жан. Что за отношения связывали Жана и Андре? Мне припомнился ее полный ненависти взгляд, брошенный на Жана... Что-то там явно было не так. Я ворочалась в своей чересчур мягкой кровати с боку на бок. Может, уехать домой? Навряд ли мы будем сейчас нужны Наташке, не до гостей и развлечений ей. Нет, точно не смогу заснуть.

Я вылезла из кровати и посмотрела на часы. Семь утра. Интересно, есть ли кто-нибудь на кухне? Я бы с большим удовольствием выпила чашечку горячего кофе и съела бутерброд. Вчера никто из нас так и не смог проглотить ни крошки.

Я тихо вышла в коридор. Кажется, кухня на первом этаже, во всяком случае, слуги входили с едой в столовую через боковую дверь. Я вошла в столовую. Незнакомый мужчина резал на гигантском столе черную ткань. Увидев мой взгляд, он пояснил:

– Мадам, баронесса велела одеть дом в траур. Могу я вам чем-то помочь?

– Да, – обрадовалась я. – Мне бы чашечку горячего кофе.

Слуга замялся:

– Завтрак, к сожалению, еще не готов, его подадут только в девять. Но, если вы согласитесь пройти на кухню, Луи сварит вам кофе и сделает тосты.

Я милостиво согласилась пройти с ним на кухню.

В кухне было тепло и ослепительно чисто. Любой стол можно было смело использовать для операции аппендицита. От начищенной утвари резало глаза. Возле окна сидел в кресле пожилой человек и читал вчерашнюю «Монд». Увидев меня, он ласково улыбнулся:

– Чем могу служить?

– Мадам желает чашечку кофе и завтрак, Луи, – сказал слуга.

– Прекрасно, – обрадовался Луи, – сейчас все будет готово!

Он раскрыл шкафчик:

– Мадам предпочитает какой кофе?

Передо мной рябили банки, я ткнула пальцем в первую попавшуюся. Луи внимательно посмотрел на меня.

– Если мадам разрешит, я сварю кофе по-турецки и сделаю скандинавские тосты.

Я важно кивнула головой. Ни за что не признаюсь, что не знаю, что такое скандинавские тосты.

– Вы давно работаете у барона? – спросила я повара.

Луи улыбнулся:

– Меня приняли на службу за неделю до свадьбы родителей месье барона. Я готовил им свадебный обед. А Софи пришла через год после меня, когда родился господин Жан.

– Сколько же ей лет? – невольно вырвалось у меня. – Я думала, ей лет сорок!

– О, мадам, спасибо за комплимент, – сказал Луи. – Софи на самом деле прекрасно выглядит, но ей скоро будет шестьдесят.

– Очевидно, ей известно средство Макропулоса, – пошутила я.

– О, мадам тоже любит Гашека? – обрадовался Луи. – Мы с Софи часто читаем его по вечерам. Мы уже много лет муж и жена. Готово, мадам.

Скандинавскими тостами оказались кусочки поджаренного белого хлеба, вымоченного в смеси молока и яиц. Луи открыл кофейник – запах чудного кофе разнесся по кухне. Из-под большого стола, накрытого скатертью, вылезли, потягиваясь, Снап и Банди.

– Это они почуяли запах кофе, – объяснил Луи. – Очень они любят сладкий кофе с молоком. Идите сюда, малышки!

– А где кошки? – поинтересовалась я.

– Посмотрите, мадам. – Луи поманил меня рукой.

В самом дальнем углу кухни стоял дворец – настоящее наслаждение для кошки: обитые темным мехом домики на столбиках, а между ними на разной высоте подвешены гамаки. В одном из них самозабвенно спали две кошки.

– А котенок?

– Уж очень он полюбил Банди, мадам, – покачал головой Луи.

И правда, возле страшной треугольной пасти питбуля лежал на спине серый комочек.

– Если мадам угостит собак печеньем, они будут очень благодарны.

Я запустила руку в большую жестянку, стоявшую на столе. Пальцы нашли там что-то явно не похожее на печенье. Я заглянула внутрь. Между маленькими сдобными кусочками лежала надбитая ампула.

– О, – испугался Луи, – это вчера к собакам приходил ветеринар делать прививки. Как использованная ампула могла попасть в коробку, ума не приложу! Дайте, пожалуйста, мадам.

С этими словами он буквально выхватил у меня жестянку с печеньем и вытряхнул ее в помойное ведро.

– Лучше выбросить все печенье, – пояснил он, – вдруг там осколки...

– Вчера все были очень расстроены, – пробормотала я.

– И не говорите, мадам, такой ужас, – покачал головой Луи. – Месье Жан, упокой господи его душу, вечно гонял как ненормальный. Бывало, ворвется на всей скорости во двор и как затормозит... У меня от визга колес буквально кровь останавливалась. Честно говоря, мы с Софи надеялись, что женитьба на вашей сестре его остепенит. Их свадьба была, можно сказать, нашей последней надеждой. Ведь после того как погибли барон и баронесса, мы старались заменить ему родителей! Да куда там. Никого не слушал. Сначала привел Катрин, потом этот его ненормальный дружок Пьер! Вот уж у кого в голове тараканы. Представляете, мадам, вечером перед свадьбой месье Жана и мадам Натали он пришел сюда и перебил почти все стекла на первом этаже. Будь моя воля, я посадил бы его в катажку. Но хозяин запретил вызывать полицию...

– Луи, – прервал его откровения женский голос, – что ты кормишь мадам Даша разговорами на кухне?

В дверях стояла Софи. Сейчас, когда яркое утреннее солнце било ей прямо в лицо, я заметила, что экономке много больше сорока. Сеточка мелких морщин покрывала шею и щеки. Но в темных волосах не было ни единого седого волоса, а фигура была как у двадцатилетней девушки.

– Луи, – повторила она, качая головой, – на кухне так неприятно пахнет газом. Мадам, – обратилась она ко мне, – разрешите я перенесу тарелку с тостами и чашку. Луи, ты даже не предложил джема и сыра. О, мадам, вы должны извинить его за нерадивость. Но мы все так расстроены.

Не переставая ругать Луи, Софи теснила меня к двери столовой и буквально вытолкнула из кухни.

В столовой было пусто и темно.

– Я включу вам телевизор, – заботливо проговорила Софи.

Она щелкнула кнопками. На экране возникло изображение диктора.

«Погода на севере Франции», – понеслось из динамика.

– Приятного аппетита, мадам, – пожелала Софи и ушла в кухню.

Как только она скрылась, я тихо подошла к двери и приложила ухо к замочной скважине.

– Ты – старый никчемный болван, – донеслось до меня.

Ах, Софи, Софи... И дверь закрыла, и телевизор включила погромче, а вот не рассчитала силу своего темперамента.

– Ты зачем, идиот, все ей выбалтывал?

– Но, милая, она ведь сестра мадам, – робко оправдывался Луи.

– Да хоть бы сам Папа Римский! – кипела Софи. – Если надо, Натали все расскажет сама! Ты кто? Повар! Вот и готовь бульон, нечего лезть, куда не просили. Видишь, как все закрутилось? Кто бы мог подумать, что эта скотина перед смертью наболтает ребенку бог знает что?

Приближающиеся шаги заставили меня одним прыжком оказаться за столом. В столовую вошла Наташка. Темно-серый костюм делал ее еще стройней и красиво оттенял рыжие волосы.

«Рыжие люди либо преступники, либо гении», – неожиданно вспомнилось мне.

– Как спалось? – спросила Наташка.

– Глаз не сомкнула, провертелась всю ночь.

– Я тоже. Софи, кофе!

В столовую с подносом вошла Софи.

– Сейчас приедут служащие из похоронного бюро, – проговорила Наташка. – Проследите, чтобы они убрали парадный вход, застелили холл и сняли картины в зале на первом этаже. Гроб привезут в двенадцать, и я хочу, чтобы все желающие могли сегодня часов с трех начать прощаться. Вызовите пару лишних лакеев и двух уборщиц. Еще нужен служка из церкви. Пусть ночью читает над гробом молитвы, или поет псалмы, или... Не знаю что. Что там надо... пусть и делает. Да выключите вы телевизор!

Софи закивала головой:

– Все будет сделано, мадам. Из похоронного бюро уже пришли и ждут в кабинете.

Наташка встала, резко отодвинув стул:

– Хорошо, я сейчас пройду к ним, а ты, – обратилась она ко мне, – помоги собраться Маше.

– Куда собраться? – удивилась я.

– Доктор Жанвиль вчера был прав, – проговорила Наташка, – девочка явно пережила страшный стресс. Сейчас вся эта суета, похороны будут ей явно не под силу. Доктор был так любезен, что пригласил Машу к себе на некоторое время. У него дом в Ницце, прямо на берегу. Дети доктора с его женой сейчас там. Море, солнце, развлечения – вот что ей надо. Так что собирай красавицу. Доктор придет за ней в одиннадцать.

Наташка вышла из столовой, не дожидаясь моего ответа, Софи стала убирать со стола. Я направилась в свою комнату. Что-то слишком много тайн в добропорядочном семействе! Машку явно стремятся запятать подальше, опасаясь ее длинного языка. И еще мне не давала покоя ампула, найденная в коробке с печеньем. Не знаю, как во Франции, но в России не принято колоть собаку наркотиком. Луи моментально выхватил у меня из рук жестянку, но я все-таки успела разглядеть, что на ампуле было написано: «Промедол».

ГЛАВА 5

Следующие дни пронеслись как в кошмарном сне. Десятки знакомых Жана и Наташки, вереницы служащих Жана... Тяжелый, сладкий аромат роз и лилий, смешивающийся со специфическим запахом духов и лекарств, сами похороны – все производило тяжелое, гнетущее впечатление.

Поэтому, когда во вторник утром меня пригласили в кабинет для вскрытия завещания, я пошла с большой неохотой и явилась, когда все уже были в сборе. Вокруг стола, как на совещании, сидели все приглашенные: Аркадий, Оля, Жаклин, Яцек, Андре, Наташка, Аллан и еще несколько незнакомых мне мужчин и женщин. Нотариус внимательно оглядел собравшихся:

– Прежде чем приступить к делу, мне хотелось бы выразить вам свое глубокое сочувствие. Горе, постигшее вас, безмерно. Ну что ж, начнем!

Состояние Жана выражалось в запредельной для меня сумме в десятках миллионов франков.

Приличный годовой доход был завещан Луи и Софи. Жаклин и Яцек получали в наследство по картине. «На добрую память обо мне», – именно так и было сказано в завещании. Аллан стал владельцем нескольких книжных раритетов. Андре был подарен гарнитур из сапфиров. Две незнакомые мне женщины, названные мадам и мадемуазель Прудон, получили серьги с изумрудами и бриллиантами. Нотариус, оказавшийся месье Прудоном, – коллекцию бабочек. Все остальное отходило Наташке. Наконец-то сбылась ее мечта, высказанная когда-то на московской кухне: она стала необыкновенно, потрясающе богата.

– Я думаю, что это все, – подытожил незнакомый мне мужчина, не упоминавшийся в завещании. – Мне он не оставил ничего, даже на память. Редкая забывчивость. Мадам, – обратился он к Наташке, – что же вы не представите меня вашей семье? Я ведь вам не посторонний человек. Как-никак я столько лет прожил с Жаном душа в душу, пока вы не разрушили наш, так сказать, брак!

– Вы пьяны, Пьер, – с отвращением проговорила Наташка. – Вам бы следовало лечь и выспаться. Если хотите, я могу устроить вас в комнате для гостей.

– Ах, какие мы ласковые, ах, какие заботливые, так трогательно, я сейчас зарыдаю! Нет уж. Меня позвали, и я буду сидеть здесь до конца.

– Кто позвал Пьера? – спросила Наташка.

Нотариус закашлялся:

– Видите ли, мадам, завещание должно быть прочитано в присутствии всех заинтересованных лиц. Для господина Фалю есть конверт, который необходимо передать ему лично.

– Давай сюда, судейская крыса. – Пьер выхватил конверт из рук нотариуса и вскрыл его. На пол посыпались фотографии. Пьер захохотал:

– Как мило, глядите все! – И он начал совать фотографии нам в руки. – Глядите, наслаждайтесь. Вот все, что я получил!

Я взглянула на снимки. Глаз выхватил изображение Жана и Пьера в весьма откровенных позах. Женщины семейства Прудон тихо попытались покинуть место побоища.

– Ну уж нет, – разъярился еще больше Пьер, – я еще не закончил. Вы куда, корабельные крысы?

– По-моему, этого зоолога пора остановить, – шепнул мне Аллан и взял Пьера за плечо. – Успокойся, ты пьян, тебе надо лечь и проспаться.

Пьер дернулся.

– И ты здесь? Думаешь, я не знаю, чего ты ждал? Только и мечтал, когда приберешь к рукам его денежки, ты...

Коротким и точным ударом Аллан отправил Пьера на пол. Из носа Пьера потекла кровь.

– Не бейте его! – закричала Андре. – Разве вы не видите? Он болен и не отвечает за свои слова.

– Успокойся, детка, – проговорил Аллан, – небольшая зуботычина прочистит ему мозги.

– Он без сознания, – сообщила склонившаяся над Пьером Оля. – Надо позвать врача.

– Он просто пьян, душа моя, – констатировал Аллан. – Хорошо бы унести его в спальню. Яцек, давай, ты за ноги, я за руки, оттащим этого скандалиста вверх, – распорядился он.

– Я помогу, – вызвался Аркадий.

Мужчины втроем потащили Пьера на второй этаж. Оставшиеся женщины и господин Прудон молчали. Когда молчание стало гнетущим, Оля робко спросила:

– Может, выпьем кофе? У меня во рту пересохло.

– Сейчас распоряжусь, – благодарно посмотрела на нее Наташка и вышла из комнаты.

Я стала подбирать фотографии. Семья Прудон тихо ушла.

– Что ж, теперь, когда остались все свои, можно и отдохнуть, – засмеялась Жаклин и взяла одну из фотографий. – Ну и вид у этих мужиков! Вы знали, что Жан – педик? – обратилась она к Андре.

– По-моему, нам не следует рассматривать эти фото, – отозвалась та. – Сексуальная жизнь Жана нас несколько не касается.

– Кофе подан, – объявила Софи, и мы перешли в столовую.

Наташка, очень бледная, сидела на диване.

– Прошу простить за то, что вам пришлось вытерпеть эту ужасную сцену. Впрочем, я даже рада, что она произошла. Наконец-то можно объясниться. Я, конечно, знала, что Жан гомосексуалист. Именно по этой причине распался его брак с Катрин. Когда мы встретились, Жан очень хотел, как он говорил, «измениться», но женщины не привлекали его. Его неудержимо влекло к мужчинам, но, с другой стороны, он мечтал о ребенке, наследнике состояния. Когда стало ясно, что детей у нас не будет, я предложила Жану вызвать мою сестру из Москвы.

Наташка повернулась ко мне:

– Я сказала, что у моей сестры двое детей, моих племянников, и что он может сделать наследниками их. Состояние все-таки не уйдет государству. Как вы знаете, я намного старше Жана, и никто не предполагал, что он умрет раньше меня. Жан согласился познакомиться с детьми, и его совершенно очаровала Маша. Накануне смерти он говорил мне, что с радостью займется ее образованием, а потом выдаст замуж, и, может быть, она родит мальчика... Часть денег он хотел доверить Аркадию с условием, что тот получит во Франции юридическое образование. А чтобы имя барона Макмайера не исчезло, я должна была усыновить Аркадия. Это возможно, если ты, – Наташка повернулась ко мне, – откажешься от него. Эта процедура называется не усыновлением, а как-то по-другому... Ну, да это теперь не важно.

Я посмотрела на Аркадия. У него буквально отвисла челюсть. Конечно, так сразу из бедного московского служащего превратиться в барона Макмайера... Теперь понятно, почему всем присутствующим говорилось, что я ее сестра. Ай да Наташка! Вот это план. А мне побоялась сразу сказать, ожидая, что я вспылю и крикну что-нибудь типа: «Детьми не торгую». Может, и крикнула бы этакое лет двадцать тому назад. Но годы дикого российского капитализма сделали свое дело. Если Машка с Аркадием получают состояние, так пусть их хоть питебультерьер Банди детьми называет. Мне все равно.

– Позволь выразить мне свое восхищение твоим умом, дорогая Натали, – проговорила Жаклин. – План великолепен. Не знаю, как с титулом – думаю, сделать из этого милого молодого человека барона Макмайера будет трудно, – но состояние эти дети точно получают. Ведь деньги теперь твои, и ты можешь их завещать кому угодно.

– Я бы хотел... – начал Аркадий.

– Молчите, мой друг, – прервал его вернувшийся Яцек. – Мы все здесь, кроме покойного Жана и Жаклин, были когда-то очень бедны и знаем, что богатство лучше, чем нищета.

– А что, если у Жана есть родственники? – спросила Андре. – Что тогда?

– У Жана никого не осталось, – вмешался Аллан. – Его родители и сестра погибли, а других родственников у него не было. Впрочем, даже если и объявится какой-нибудь троюродный племянник, ему все равно ничего не оставлено. Все переходит к Натали.

– У отца Жана был младший брат, – проговорила Наташка. – Он погиб во время войны. Кажется, у него остались жена и дочь. Но они никогда не поддерживали никаких отношений с Жаном. Я даже не знаю их имен.

Яцек вздохнул:

– Ну, хватит обо всем этом. Мне бы хотелось выбрать себе картину на память. Натали, если ты разрешишь, я бы взял Утрилло. Люблю его серые краски, а ты, Жаклин?

– Не знаю даже, – протянула та. – Честно говоря, мне бы больше хотелось получить дорожный набор Жана, тот, в серебряном сундучке!

– Жаклин, я с удовольствием подарю вам и набор! – засмеялась Наташка. – Но Жан хотел, чтобы у вас дома висели две картины от него.

Вошла Софи:

– Мадам, пришел комиссар из полиции.

– Раз пришел, пусть проходит.

Темпераментный лысый толстячок коlobком вкатился в столовую.

– Мадам, месье, прошу простить, но стали известны результаты экспертизы. Мне хотелось бы задать баронессе несколько вопросов.

– А что случилось? – поинтересовался Яцек. – В машине обнаружилось что-то не то?

– Видите ли, господа, – замялся комиссар, – мне хотелось бы поговорить с баронессой наедине.

– Да будет вам, комиссар, – сказал Аллан. – Мы все здесь близкие друзья и родственники – можно сказать, одна семья, а какие в семье тайны?

– О, я мог бы рассказать вам много интересного о семейных тайнах, – засмеялся комиссар. – Ну ладно, так и быть. Состояние тормозов внушает нам опасение, что эта авария была подстроена, – вытекла почти вся тормозная жидкость. По мнению нашего эксперта, убийца надеялся, что тормоза откажут и автомобиль станет неуправляем. Что, к несчастью, и случилось. Дьявольский план, если учесть, что тормозная жидкость... Безусловно, того, кто это сделал, будет трудно найти...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.